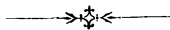

ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

Основаны барономъ **В. Р. Розеномъ.**

ТОМЪ ДВАДЦАТЫЙ.
1910.

(съ приложеніемъ одного портрета и пятидесяти шести рисунковъ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Оогр., 9 лпн., № 12.

1912.

Хивинская сатира на казак-киргизовъ.

(Посвящается памяти Н. Н. Пантусова).

Услужливый мулла Джума-Ниязъ, добровольно сопровождавшій меня въ 1908 году отъ Куны-Ургенча чрезъ Ходжели до Порсу, оставилъ мнѣ на память лоскутокъ бумаги съ сатирой неизвѣстнаго хивинскаго поэта на казак-киргизовъ¹⁾.

ТЕКСТЪ.

1 ай یرانلار² мен حکایت ایلاين هر نه کیم باشغه توشيش آيتاين
 نچه تورلوک توشدی سودا باشيمه یار دوستوم هيچ کيلماس قاشيمه
 من سفر³ رختی نی باغلاب بيلمه آيتماديم آنا آنا و⁴ ايليمه
 نچه کوللار نچه جوللاردين⁵ اوتوب آخري باردیم يوروب سرغه يتيم
 5 آدمی باردور خدانی بيلماکان انبیا و⁶ اوليانی بيلماکان
 کوللاری آجیغ زراعتدين خلا چوللاريدين عبرت آلور کل بلا
 نیللاری کیلمای شهادت آباغا قوللاری بولمای مصلا یای مفا
 حربسی⁷ آی بلنه بيله تیر⁸ بولوب اصلی مولدی⁹ آلارنی قر بولوب
 اسب نازی شتر¹⁰ دو قربان اولوب نیللاری سخت اوبله کیم سوغان¹¹ اولوب
 10 بدلقب¹² و بدحساب¹³ و بدسیاق بو جاهلديک¹⁴ سنک دل صاحب توماق
 آدلاری دور* قویلی بای و¹⁵ قورلی بای هم چورون بای آرتنای و کورکابای

1) См. мой Краткій отчетъ о побѣдкѣ въ Ташкентѣ и Бухару и Хивинское ханство въ Извѣстіяхъ Русскаго Комитета для изученія Средней и Восточно Азии, № 9, стр. 27. — Ср.: татарская сатира на казак-киргизовъ, сочиненная въ 1841 году и изданная сначала В. В. Радловымъ (Образцы народной литературы тюркскихъ племенъ, т. IV, 1872 г., текстъ, стр. 170—188, переводъ, стр. 214—233), затѣмъ татарскими книготорговцами въ 1879 и слѣдующихъ годахъ (нѣсколько изданій) и, наконецъ, въ русскомъ переводѣ, А. В. Васильевымъ (Матеріалы къ характеристикѣ взаимныхъ отношеній татаръ и киргизовъ, Оренбургъ, 1898; перепечатано изъ «Тургайской Газеты» за тотъ же годъ. Рецензія П. М. Меліоранскаго въ Зап. Вост. Отд. т. XI, стр. 364). Въ книгѣ А. В. Васильева напечатано еще «Возраженіе киргиза на татарскую брошюру» и «Состязаніе татарина съ киргизомъ».

2) Им. یرانلار, по требованію метра. 3) Рук. صفر. 4) Рук. هو (sic). 5) Рук. جوللارديپ. 6) Рук. هو (sic). 7) Рук. هرهبسی. 8) Рук. در. 9) Рук. سوحان. 10) Метръ! 11) Рук. سوحان. 12) Рук. لغاب, согласно метру. 13) Рук. حساب, согласно метру. 14) Рук. جهينديک, согласно метру. 15) Рук. قویلی بايو; соединеніе ѡ съ предшествующимъ словомъ passim.

تیرلی بای و سرلی بای جرقین داغی بو صفت قومیش آتین توغغان جفی¹
 بولته بای و دولته بای دور هکذا² برکلی اول بدبخت لاره تنکریم جزا
 14 خلق الله جمع الا کالبقر³ کلهم و الله اعلم بالسفر⁴

ПЕРЕВОДЪ.

- 1 О, друзья! стану-ка я повѣствовать,
 Выскажу-ка я все, что мнѣ запало въ голову!
 Запало мнѣ въ голову много всякихъ мрачныхъ мыслей,
 Никто изъ друзей и пріятелей не навѣщаетъ меня,
 И вотъ я, снарлдившись въ путь-дорогу⁵),
 Не сказался ни отцу съ матерью, ни землякамъ своимъ,
 Миновалъ нѣскольکو озеръ, нѣскольکو пустынь
 И, наконецъ, странствуя, добрался до Сыръ-дарьи.
- 6 Живутъ тамъ люди, Бога не вѣдающіе,
 Пророковъ и святыхъ не признающіе.
 Озера у нихъ горькія, земля — не обработанная,
 Ихъ пустыни олицетворяютъ собой всѣ несчастія⁶)!
 Языкъ у нихъ не подходитъ для произнесенія символа вѣры,
 Ихъ руки не годятся для разстиланія молитвенной подстилки.
 Оружіе ихъ — «ай-балта» и стрѣлы,
 Коренная ихъ родина — голая степь!
 Арабскій конь, да верблюдъ — два жертвенныхъ (у нихъ) животныхъ,
 Рѣчь ихъ рѣзка, какъ рѣчатый лукъ!
- 10 Съ пеладными прозвищами, низкаго достоинства и съ плохими обычаями
 Эти безчувственные, какъ язычники, обладатели малахая!
 Имена ихъ: Койлы-бай и Курлы-бай,
 Чурун-бай, и Азнатай, и Кёрке-бай,
 Тирли-бай, и Сырли-бай, еще Джыркынъ —
 Вотъ какія прозвища даютъ имъ при рожденіи!
 Болта-бай, и Долта-бай, и въ томъ же родѣ . . .
 Да покараетъ Богъ мой сихъ злосчастныхъ!
- 14 Божье созданіе — всѣ, но эти подобны «быкамъ».
 Всѣ они будутъ въ аду, хотя Богу лучше извѣстно!

1) Вм.. چاغی по требованію метра.

2) Рук. حاكذا, согласно метру.

3) Рук.

Кибقر.

4) Рук. باسفر.

5) Дословно: обязавъ свой станъ принадлежностями путешествія.

6) Дословно: всѣ несчастія берутъ примѣръ съ ихъ пустынь.

ПОЯСНЕНИЯ.

Сатира неизвестнаго хивинскаго поэта-муллы на казак-киргизовъ сочинена въ формѣ *مثنوی*, размѣромъ *رمل*. Форма двустипій обычно употребляется въ среднеазиатско-турецкой литературѣ для стихотворной передачи повѣстей, разсказовъ и священныхъ преданій — *حدیث*, *حکایت*, *قصه*, и нашъ анонимный авторъ называетъ свое произведение просто *حکایت*. Благодаря вольностямъ въ правописаніи (см. ниже) кантитативный размѣръ соблюденъ въ сатирѣ удовлетворительно. Имя казак-киргизовъ въ сатирѣ ни разу не упомянуто, но сомнѣваться въ томъ, что въ ней высмѣивается именно этотъ народъ, совершенно нельзя; и мулла Джума-Ниязъ называлъ подаренное имъ мнѣ произведеніе стихами о казак-киргизахъ.

Не помню, самъ-ли Джума-Ниязъ записалъ эту сатиру, или продиктовалъ ее кому-нибудь; во всякомъ случаѣ она была записана въ моемъ присутствіи по памяти.

Въ нашей рукописи имѣется нѣсколько погрѣшностей противъ правописанія арабскихъ словъ, причемъ въ большинствѣ случаевъ ошибочная орфографія закрѣплена метромъ: *لغاب*, *حساب*, *جهيل*, *موليد*, *حاكزا*. Ради метра дважды союзъ *و* изображенъ чрезъ *هو*. Буква *غ* въ словѣ *لغاب* отмѣчаетъ народное произношеніе: лабап.

Языкъ сатиры — литературный, довольно обильно украшенный арабскими и персидскими словами; послѣдній стихъ сочиненъ полностью по-арабски. Изъ турецкихъ формъ слѣдуетъ отмѣтить: архаическое *آيتاق* вм. *آيتاق* въ 7-омъ двустипіи, неупотребительное или мало употребительное въ среднеазиатскихъ живыхъ нарѣчійхъ причастіе на *ميش* — *توشميش* (1 и 12 двустипш.), южно-турецкую глагольную основу *اول-ol* (9 двустипш.) и именную *آد* (11 двустипш.) и, наконецъ, южно-турецкое окончаніе дат. пад. — *بدخت لاره* (13 двустипш.). Всѣ эти особенности свойственны, какъ извѣстно, языку *стихотворныхъ* среднеазиатско-турецкихъ произведеній съ древнихъ поръ.

Для поясненія начала *حکایت*'а замѣчу, что среднеазиатскіе муллы любяť временами уходить изъ городовъ и селеній въ степь, гдѣ они не только разгоняють свои «мрачныя мысли», но подкрѣпляютъ чистымъ воздухомъ и кумысомъ свое здоровье и поправляютъ свои финансы, эксплуатируя темныхъ и довѣрчивыхъ кочевниковъ, которыхъ они же потомъ высмѣиваютъ въ своихъ виршахъ. Особенно принято хожденіе въ народъ у студентовъ медресѣ во время длинныхъ лѣтнихъ каникулъ (*تعطيل*).

Обобщая свое осужденіе казак-киргизовъ въ 10-омъ стихѣ, авторъ высмѣиваетъ въ нихъ неладныя прозвища, т. е. національныя, а не мусуль-

манскія имена, и плохіе обычаи, т. е. кочевой образъ жизни, занятіе скотоводствомъ и пренебреженіе мусульманскими обрядами, иными словами — ихъ, драгоценную и для нихъ самихъ, и для насъ — туркологовъ, извѣстную самобытность.

Сочиняя заключительный стихъ на арабскомъ языкѣ, священномъ для каждаго мусульманина, авторъ сознательно увеличиваетъ авторитетность своего лицемѣрно-грознаго приговора надъ казакъ-киргызами.

СПБ. Мартъ 1910 г.

А. Самойловичъ.

Бурдж-нѣмэ.

(По поводу изданія Л. Н. Грау).

Въ сентябрьскомъ выпускѣ *Journal of the American Oriental Society* г. Louis H. Gray публикуетъ парсійскій маснавй съ переводомъ, подъ заглавіемъ: *The Parsi-Persian Burj-Nāmah, or Book of Omens from the Moon*¹⁾. Текстъ этотъ, какъ многіе ему подобные, входитъ въ составъ Сборника ривайатовъ Dārāb Hormazdūār'a и списанъ для г. Gray'я Дастūrомъ Dārāb Pashōtan Sanjānā съ рукописи Бомбейскаго Унверситета Ву 29²⁾.

Парсійскій Бурдж-нѣмэ представляетъ собою стихотворную редакцію преданія, восходящаго, быть можетъ, къ повѣрїямъ весьма древней эпохи. Преданіе, составляющее его основу, принадлежитъ къ тому-же кругу вѣрованій, о которыхъ трактуетъ болѣе извѣстное Мѣр-нѣмэ, книга Змѣи, неоднократно обращавшая на себя вниманіе ученыхъ³⁾.

Въ ривайатахъ Бурдж-нѣмэ тѣсно связано съ Мѣр-нѣмэ, они образуютъ, такъ сказать, одно цѣлое, изъ чего можно заключить о происхожденіи обонхъ маснавй изъ одного общаго источника. Такое заключеніе подтверждается наличиемъ третьяго маснавй, являющагося комбинаціею двухъ упомянутыхъ и озаглавленнаго:

دیدن مار را از خوب و بد دوازده برج که ماه باشد

1) *Journal of the American Oriental Society*, Thirtieth vol. part IV September 1910, стр. 336—342.

2) West, *Grundriss der iranischen Philologie* II, стр. 127, n° 24; Rosenberg, *Notices de Littérature persie I. II* (St. Pétersbourg 1909), стр. 14 сл.

3) См. наши *Notices* стр. 49, гдѣ приводится литература.

Выпуски 73—74

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ 802-93

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

3254-0

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

Подъ редакцію Предсѣдателя Этнографическаго Отдѣленія

В. И. Ламанскаго

и Секретаря Отдѣленія А. Н. Самойловича.

Выпуски I—II

Годъ XIX

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія Министерства Путей Сообщенія
(Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К^о), Фонтанка, 117.

1910

5. Да короста съ блинъ,
Ниточкѣ моточикъ,
Да чирей на носочикъ,
Чашка вкругъ,
9. Да чирей въ пупъ.

28.

Отпѣвка.

1. Какъ у наши-то невѣсты
По-за ушамъ вши,
Въ головѣ ѣрши,
На зубу г...о,
5. На глазу бильмо,
Въ лобу лысинка...
Ты ходи со вшами,
Ты ходи съ ѣршами,
Ты ходи съ г...омъ,
10. Ты ходи съ бильмомъ,
11. Да ходи съ лысинкой.

Настоящую отпѣвку сообщилъ кр. дер. Новгородской, Шведеницкой вол. Ал. Силинскій. Въ Спасской волости, насколько мнѣ извѣстно, ее не поють.

М. Едемскій.

„ПШИК ЭФСАНЕСИ“ — „СКАЗКА СЪ КОШКОЙ“.

(ХИВИНСКАЯ ВЕРСИЯ).

Вслѣдъ за хивинскимъ разказомъ про Анна-Мратъ-Вову (Живая Старина, 1908, вып. IV, стр. 490), записаннымъ со словъ грамотея (муллы), я издаю въ русскомъ переводѣ сказку, которую сообщилъ мнѣ по-сартовски неграмотный Худа-вергенъ, ханскій джигитъ, входившій въ составъ моего конвоя во время моего путешествія по Хивинскому ханству лѣтомъ 1908 г. ¹⁾

Сказка, озаглавленная по первому эпизоду, является по темъ хивинской версией одной изъ сказокъ о толковой женѣ, выручающей своего безтолковаго мужа. Худа-вергенъ, котораго я не стѣснялъ временемъ и не торопилъ, продиктовалъ сказку въ два приема, расширивъ ее разными подробностями и приурочивъ ея фабулу къ определенному мѣсту, именно къ Хивинскому ханству и Астрахани. Таки образомъ, текстъ сказки не только по языку, но и по содержанию окрашенъ въ мѣстный, хивинскій колоритъ. Если въ вышеупомянутомъ разказѣ простого хивинскаго муллы оказались выражения, которыя я долженъ былъ замѣнить многоточіями, то въ сказкѣ хивинскаго солдата цинизма и грубости, конечно, еще больше. Началь я записывать сказку 4 іюня въ Иляллы, а кончилъ 6 іюня въ Ак-Тепе (на пути къ старому Ургенчу).

У одного очень богатаго человѣка былъ сынъ. Отцовское богатство сына не поддержало, — онъ сталъ бѣднякомъ. Годъ, другой онъ жилъ дома, стыдась людей. У жены его кое-что было, но она скрывала отъ мужа, не давала ему, говоря: „пустъ мой мужъ познаетъ власть капитала!“ Но чрезъ нѣкоторое время она отдала свой капиталъ мужу и рѣшила отправить его торговать, предостерегая: „не будь расточителемъ, какъ во время отца твоего, будь твердымъ!“ купила жена для него десять верблюдовъ, десять одногорбыхъ (маја) верблюдовъ, навьючила на десять верблюдовъ чапановъ, присоединила своего мужа къ партіи купцовъ и отправила съ Богомъ.

Сорокъ дней онъ ѣхалъ, черезъ сорокъ дней остановился погостить въ домѣ одной бабушки. Бабушка была шахматисткой. Бабушка накормила купцовъ и сказала: — Эй, добрые молодцы, въ шахматы играете? Они отвѣтили: — Да, бабушка, играемъ. — У меня есть

¹⁾ См. мой краткій отчетъ о путешествіи въ Извѣстіяхъ Русскаго Комитета для изученія Ср. и Вост. Азии, № 9, стр. 24—25.

кошка и четырех-фитильный свѣтильникъ¹⁾). Во время игры въ шахматы я ставлю свѣтильникъ на голову кошки. Если кошка стряхнетъ съ головы свѣтильникъ, мы проиграли; если она свѣтильника не сброситъ, мы васъ обыграли.

До зари сидѣла кошка прямохонько, какъ пригвожденная. Бабушка утромъ забрала въ качествѣ выигрыша все имущество купцовъ, и каждый изъ нихъ направился въ какой-нибудь городъ, разставшись съ имуществомъ.

Сынъ богача пошелъ и подрядился помѣсячно разводить огонь подъ котломъ въ обжорномъ ряду. Съ годъ, съ два разводилъ онъ огонь.

Ну-ка, спросите теперь объ его женѣ! — Къ его женѣ, въ здѣшнюю страну пришло письмо, сообщавшее, что ея мужъ (проигравъ бабушкѣ имущество) разводитъ огонь у печки рыботорговца. Жена спрашиваетъ у подателя письма: какъ это бабушка выиграла его имущество? Человѣкъ отвѣтилъ:

— У бабушки есть кошка.

— Что же дѣлаетъ эта кошка?

— Кошка до зари, какъ пригвожденная, свѣтильникъ поддерживаетъ.

Жена спрашиваетъ:

— Пока заря не взойдетъ, кошка сбрасываетъ или не сбрасываетъ свѣтильникъ?

— Не сбрасываетъ! Если сброситъ, мы выиграли бы, а не сброситъ, такъ бабушка выигрываетъ.

Далѣе жена спросила:

— Въ вашей странѣ мыши водятся или нѣтъ?

Человѣкъ отвѣтилъ:

— Мышей нѣтъ въ той странѣ!

— Пища кошекъ—мыши, сказала жена; она приказала достать ей четырехъ мышатъ. Достали. Она посадила ихъ въ ящикъ, приучила къ изюму: насыплетъ около ящика на полу изюму для мышей, откроетъ ящикъ, щелкнувъ по нему пальцемъ тыркъ-тыркъ,—и мыши выбѣгутъ на волю; опять тыркъ!—и мыши входятъ въ ящикъ.

Женщина снарядилась въ путь-дорогу. Купила десять одnogорбныхъ верблюдовъ, десять рыжихъ (кызыл) верблюдовъ; на десять навьючила чапаны, на десять—кожу, запаслась провизіей, одного старика избрала въ названные отцы (кыяметликъ-ата), наняла слугу (малайку). Въ день пятничнаго моленія тронулась она въ путь. За двѣсти тиллей иноходца купила, одѣлась женщиной, сѣла верхомъ на иноходца и при верблюдахъ отправилась вмѣстѣ съ купцами. Сорокъ дней она ѣхала, черезъ сорокъ дней, во второй намазъ, достигла она дома бабушки.

Бабушка молвила:

— Ну, не остановитесь-ли? вотъ мой дворъ! Окажу вамъ гостеприимство! До васъ купцы не проходили здѣшнихъ мѣстъ, не заходя.

¹⁾ Одинъ изъ типовъ свѣтильниковъ, которые теперь въ Средней Азій почти всюду вытѣснены русскими лампами.

— Эта бабушка—добрая бабушка! (рѣшили путешественники и заѣхали).

Въ вечерній намазъ она устроила трапезу, а потомъ спросила:

— Въ шахматы играете?

— Да, играемъ.

— Но, если вы играете, то имѣйте въ виду, что у меня есть кошка и четырех-фитильный свѣтильникъ. Я ставлю свѣтильникъ на голову кошки, и кошка сидитъ прямохонько, какъ пригвожденная, до самой зари. Если она до зари броситъ свѣтильникъ, пусть будетъ мой выигрышъ, и, сколько у меня ни наестъ верблюжьихъ въюковъ добра, все вамъ отдамъ, а если кошка свѣтильника не сброситъ, я всѣ ваши богатства отъ васъ заберу. Вотъ—мое условіе.

Принесли на середину комнаты шахматы и кошку туда же притащили.

Бабушка дала кошекъ оплеуху, чтобы та сѣла на заднія лапы. Кошка сѣла, ей поставили на голову свѣтильникъ и зажгли. Принялись играть въ шахматы; то эта сторона выигрывала, то та сторона выигрывала, до самой зари другъ друга не обыграли. Послѣ зари купчикъ пошелъ подрядъ обыгрывать бабушку—пять разъ, десять разъ. Бабушкины глаза стали плошать. Потихоньку отъ бабушки купчикъ взялъ подмышки свой ящикъ. Предразсвѣтный сонъ овладѣлъ глазами бабушки; бабушка впала въ забытье. Купчикъ открылъ ящикъ, поднялъ и установилъ его. Бабушка принялась усиленно клевать носомъ. Тайно отъ взоромъ бабушки купчикъ выпустилъ изъ ящика мышей. Кошка, вскочивъ, сбросила свѣтильникъ и кинулась за мышами. Купчикъ щелкнулъ по ящику, и мыши вбѣжали въ ящикъ. Разбудили игроки бабушку и сказали:

— Мы тебя обыграли! Бабушка, теперь тебѣ придется дать на наши пятьдесятъ верблюдовъ добра еще столько же.

А бабушка занималась скотоводствомъ (? чарвајчиликъ етті).

— Усыпивъ меня, вы что-то сдѣлали съ моей кошкой!

Тѣ отвѣтили:

— Снова приведи кошку.

Бабушка прибила кошку, поставила ей на голову свѣтильникъ. Опять разставили шахматы. Бабушкѣ снова не повезло. Купчикъ все обыгрывалъ бабушку. Опять глаза бабушки стали сонными. Бабушка пошла клевать носомъ. Купчикъ пустилъ въ ходъ мышей; купчикъ остороженъко поднялъ ящикъ, потихоньку отъ бабушки; бабушка спитъ себѣ; купчикъ выпустилъ мышей; кошка снова сбросила свѣтильникъ и убѣжала. Свѣтильникъ погасъ. Купчикъ далъ бабушкѣ въ лицо оплеуху и сказалъ:

— Ты, бабушка, дрянное отродье! чернолобая ты! насильница, бабушка, ты! Ты со всѣхъ такъ обманомъ имущество выигрываешь! Вставай-ка теперь! Дай-ка намъ выигранное нами добро!

Бабушка встала и дала купчику на пятьдесятъ верблюдовъ еще пятьдесятъ верблюдовъ добра. Покинувъ домъ бабушки и захвативъ имущество, тронулся купчикъ въ путь. Поѣхалъ въ Астрахань. Остановились на постояломъ дворѣ, сложили тамъ товары. Купчикъ сталъ продавать товаръ и распродалъ. Вдвоемъ съ малайкой вышелъ онъ по городу погулять. Отправился въ обжорный рядъ, идетъ,—узнаетъ

своего мужа. Видить,—разводитъ онъ огонь въ печкѣ рыбника. Она-то мужа своего узнала, а мужъ ее не узналъ. Она присѣла въ какой-то лавкѣ съ восточной стороны. Кто на нее ни глянетъ,—очаровательный купчикъ! Никто и не подозрѣвалъ, что это—женщина!

Обратясь къ рыбнику, она сказала:—Эй, рыбникъ! Ужъ очень хороша твоя рыба! Вымый-ка начисто блюдо и подай намъ двадцатикопѣчную рыбу!

— Слушаю-съ, сударь! отвѣтилъ рыбникъ.

Рыбникъ велѣлъ давешнему малайкѣ лучше развести огонь, чтобы лучше рыба зажарилась. Вынувъ изъ котла рыбу, рыбникъ положилъ ее на блюдо, и поднявъ его обѣими руками, поднесъ купцу. Купецъ сказалъ рыбнику:

— ¹⁾! Передай блюдо тому твоему малайкѣ!

Малайка, робѣя, стала съ блюдомъ поотдаль.

— Поди сюда! сказалъ купецъ.

Опять малость приблизившись, малайка остановился.

Эхъ, ! подай мнѣ!

Подаль.

— Ступай, вымый руки!

Этого самый малайка начисто вымылъ руки.

Купчикъ сказалъ:

— Подойти сюда!

Робѣя, подошелъ тихо и сѣлъ.

— Ышь, возьми!

Тотъ, издаലെка протянувъ руку, взялъ кусочекъ.

— Больше ѣшь, !

— Ахъ, сударь! мнѣ ѣсть не хочется.

— Врешь ²⁾ ! Ышь! Чтобъ тебя накормить, купилъ я эту рыбу. Ты изъ какихъ мѣстъ?

— Я, господинъ, уроженецъ Ургенчской стороны ³⁾.

— Что ты тутъ дѣлаешь?

— Господинъ! я былъ купцомъ; ѣхалъ я дорогой съ товаромъ, остановился погостить у одной бабушки. Весь свой товаръ я проигралъ въ шахматы. Господинъ, мой лобъ сталъ чернымъ! Постѣ того я поступилъ поденщикомъ къ рыбнику разводить въ печи огонь за три пятака въ день. Я стыдился итти въ свою сторону.

— А если я тебя возьму, ты поѣдешь?

— Господинъ! мнѣ трудно ѣхать въ свою землю: стыжусь, сударь! Денегъ у меня нѣтъ, одежды нѣтъ.

— ! Если понадобятся деньги, мы сами дадимъ.

Вставъ и сложивъ на груди руки, малайка проговорилъ:

— Покорно благодарю!

— Эй, рыбникъ! Что тебѣ слѣдуетъ съ него?

— Господинъ! мнѣ съ него ничего не слѣдуетъ; ему съ меня слѣдуетъ тринадцать двугривенныхъ.

— Отдай ему его тринадцать двугривенныхъ!

¹⁾ Пропущено бранное слово: зангар-распутница.

²⁾ Въ текстѣ бок жіпсен.

³⁾ Новый Ургенчъ—главный торговый городъ въ Хивинскомъ ханствѣ.

— Слушаю-съ! сказалъ рыбникъ и отдалъ тринадцать двугривенныхъ.

Купчикъ (сѣвъ на коня) пустилъ передъ собой малайку по городу пѣшкомъ и повелъ по улицамъ. Направился къ банѣ. Зашелъ въ одну лавку и позвалъ банщика. Банщикъ пришелъ и спросилъ:

— Что угодно, господинъ мой?

Купчикъ вручилъ малайку лучшему ¹⁾ банщику и сказалъ:

— Вотъ этого человѣка, сказалъ, этого странника побольше помой, отмѣнно чистымъ сдѣлай. Четыре года онъ тонуть въ грязи,—начисто вымы!

Сказавъ: слушаю-съ! банщикъ увелъ этого самого странника.

Купчикъ приказалъ находящемуся при немъ малайкѣ:

— Эй, Назаръ ²⁾, возьми полный костюмъ и отнеси въ баню, а всё лохмотья, что на немъ, выбрось! Надѣвъ на него все новое, приведи его ко мнѣ на постоянный дворъ!

Поручивъ своего супруга этому слугѣ, купчикъ сѣлъ на коня и отправился на постоянный дворъ. Приѣхалъ онъ на постоянный дворъ, нѣсколько человѣкъ подбѣжало и приняло его лошадь. Купчикъ сошелъ съ коня, пошелъ—сѣлъ въ своемъ помѣщеніи и спросилъ у своего названнаго отца:

— Покончили-ли вы со всѣми вашими торговыми дѣлами?

— Сынъ мой! мы покончили со всѣми нашими дѣлами.

— Если такъ, то вьючте верблюдовъ! Послѣ полуденнаго намаза время ѣхать; переѣдемъ на новую стоянку!

Пришли давешній малайка съ этимъ самымъ странникомъ:

— Селям алейкумъ!

Смотритъ купчикъ: давешній грязный паренъ сталъ приличнымъ молодымъ человѣкомъ. Купчикъ спросилъ у этого молодца:

— Что, ты разстался со своей грязью?

— Да, разстался, сударь!

Вотъ, послѣ обѣда выѣхали, отправились. Отправившись, сдѣлали остановку въ новомъ мѣстѣ. Съ первымъ крикомъ муэззина встали и (снова) тронулись. Сорокъ сутокъ ѣхали. Черезъ сорокъ сутокъ давешній купецъ сказалъ:

— Эй, Алла-вергенъ ³⁾! дома у тебя жена своя есть?

— Есть у меня жена, сударь!

— Твоя жена дома находится?

— Дома находится, письмо отъ нея было.

— Я въ вашемъ домѣ одно вечернее угощеніе устрою; эх . . . ! самъ ты бѣденъ, ты не сможешь принять насъ въ гости!

— Нѣтъ, сударь! Что только есть, все дамъ на угощеніе въ продолженіе одного вечера.

— Теперь мы прибудемъ къ тебѣ домой въ трое сутокъ. Ты сходи одинъ справиться дома, на мѣстѣ ли твоя жена, или нѣтъ.

— Хорошо, господинъ! слушаю-съ!

Купчикъ далъ ему въ руки негоднаго коня, а самъ сѣлъ на ино-

¹⁾ Въ текстѣ тilla хаммамчи.

²⁾ Имя малайки.

³⁾ Имя прокутившагося мужа.

ходца въ двѣсти тилля (золотыхъ). Алла-вергенъ поѣхалъ на Порсу ¹⁾, а купчикъ прямо на Ияллы ²⁾ и прибылъ домой ранѣе Алла-вергена; Алла-вергенъ прибылъ черезъ два дня послѣ купчика,—вѣдь у него конь-то негодный былъ!

Купчикъ самъ привязалъ своего коня, бросилъ мужскую одежду, надѣлъ женскую. Алла-вергенъ вошелъ въ домъ, оба они другъ съ другомъ поздоровались. Жена его спросила:

— Гдѣ имущество, съ которымъ ты отправился?

— Ахъ, жена! лобъ мой чернымъ сталъ! Все свое имущество я проигралъ, со стыда пошелъ въ поденщики. Меня везетъ съ собой одинъ ургенчскій купчикъ, мой господинъ; я пригласилъ своего господина сюда на одинъ вечеръ; я пріѣхалъ справиться о тебѣ: есть-ли ты, нѣтъ-ли.

— Смерть тебя принесла! Куда я пойду, живу я въ своемъ домѣ! Ты пришелъ, загубивъ столько имущества ³⁾; если ты зовешь этого твоего господина, такъ дай мнѣ что-нибудь!

— Я вотъ такъ остался!

Жена сказала:

— По прошествіи четырехъ лѣтъ ты вотъ такъ остался?! Отцовское проклятье тяготѣетъ надъ тобой! Развѣ я не писала тебѣ?! Какого-бы ты своего господина ни позвалъ, я сама приму его. Поди, ступай теперь навстрѣчу своему господину.

Опять отправился этотъ чернолобый на Порсу, а жена, снова переодѣвшись женщиной, сѣла на иноходца, но поѣхала прямо на Манакъ ⁴⁾ навстрѣчу своимъ верблюдамъ, ранѣе Алла-вергена. Алла-вергенъ прибылъ днемъ позднѣе.

— Селям алейкум, господинъ! сказалъ онъ.

— Благополучно пріѣхалъ-ли?

— Покорно благодарю, сударь!

— Жена твоя нашлась-ли, нѣтъ-ли?

— Жена моя есть, сударь!

— . . . ! а вдругъ не будетъ твоей жены!

— Нѣтъ, сударь! Порази меня Богъ,—жена моя дома. Моя жена приметъ васъ на одинъ вечеръ.

Вотъ они приблизились къ дому.

— Ступай домой! прикажи вездѣ вытереть, застели твой домъ! Мы тоже тронемся!

Алла-вергенъ сѣлъ на негоднаго коня и поѣхалъ, а купчикъ сѣлъ на иноходца и этой стороною поскакалъ къ его дому, сбросилъ мужской костюмъ, переодѣлся женщиной.

— Эй, жена! дома-ли ты? спросилъ (Алла-вергенъ, пріѣхавъ немного спустя).

— Дома!

— Сію минуту готовъ ужинъ, мой господинъ подѣзжаетъ, съ нимъ десять купцовъ.

¹⁾ Городъ-базаръ въ Хивѣ.

²⁾ Городъ-базаръ въ Хивѣ.

³⁾ Текстъ: шунча малны бапына су кузун гелдиз.

⁴⁾ Городъ-базаръ въ Хивѣ.

Замѣсила тѣсто. День склонился къ вечеру. Посадила она на свое мѣсто другую женщину, сама переодѣлась мужчиной и отправилась навстрѣчу своимъ верблюдамъ. Вмѣстѣ съ ними стала подѣзжать, вмѣстѣ подѣзжавъ, приблизились къ своему дому. Алла-вергенъ выбѣжалъ навстрѣчу со словами:

— Селям алейкум!

— Валейкум селям! Здравъ и невредимъ-ли, Алла-вергенъ?

— Спасибо, господинъ!

— Жена твоя дома?

— Господинъ, моя жена ждетъ, сваривъ полный обѣдъ.

Мигомъ онъ надавилъ у коня стремя, помогъ купчику сойти, подхвативъ его подмышки; онъ приготовилъ для него на «сыпа» постланное мѣсто ¹⁾.

— Ступай, размѣсти и тѣхъ купцовъ!

Купчикъ сбросилъ и оставилъ на сыпа мужскую одежду, нарядился женщиной и вошелъ вовнутрь. Алла-вергенъ, размѣстивъ гостей, тоже вошелъ вовнутрь послѣ купчика и спросилъ:

— Эй, жена! обѣдъ готовъ?

— Да, обѣдъ готовъ. Ступай, дай твоимъ господамъ умыть руки и приходи!

Какъ пошелъ,—господинъ его спать лежитъ. Разбудить побоялся, въ домъ вернулся со словами:

— Жена! мой господинъ заснулъ.

— Коли заснулъ, ни шны: онъ утомился съ пути; тѣмъ гостямъ подай обѣдъ! обѣдъ твоего господина мы оставимъ.

Алла-вергенъ сказалъ женѣ:

— Давай поспимъ немножко!

— Эхъ, чернолобый! тебѣ въ . . . кровь прилила что-ли? Вѣдь у входа гости! Ступай, осторожноенько разбуди твоего господина, потрепавъ за голову! Дадимъ ему поѣсть, а послѣ ляжемъ!

Алла-вергенъ вышелъ наружу, подошелъ къ своему господину со стороны головы, потрепалъ его за шапку такъ и сякъ, глядь,—ни звука! снова вошелъ вовнутрь.

— Эй, жена—черный мой лобъ!—мой господинъ вовсе не встаетъ!

— Эхъ, смерть тебя принесла! Такой-сякой ²⁾! Усталъ человекъ, чего-же тутъ говорить!

— Я не знаю, живъ-ли онъ, умеръ-ли; я испугался! Жена, не пойдешь-ли ты сама разбудить?!

Жена вышла къ воротамъ, подошла къ своимъ вещамъ, оставленнымъ давече на «сыпа», весь свой женскій костюмъ сбросила, облачилась въ тотъ свой оставленный костюмъ, а Алла-вергенъ сидитъ внутри и ничего не знаетъ! Купчикъ вошелъ вовнутрь. Алла-вергенъ всталъ со словами:

— Селям-алейкум! Господинъ, вы много поспали!

— Эй, въ концѣ концовъ мы вѣдь устали!

— Вы видѣли мою жену? Я послалъ ее васъ разбудить.

— Нѣтъ, я самъ проснулся, сказалъ купчикъ.

¹⁾ Сыпа изъ персидск. софа—возвышенная площадка для гостей.

²⁾ Текстъ: cetele.

— Въ такомъ случаѣ попейте чайку, а я пойду позвать свою жену.

Выйдя за двери, онъ сталъ кричать:—Эй, жена!

Нигдѣ жены нѣтъ. Вошелъ Алла-вергенъ вовнутрь. Купчикъ спросилъ:

— Гдѣ-же твоя жена?

— Сударь! моей жены нѣтъ!!

— Куда-же, наконецъ, въ такую пору итти, вѣдь всѣ люди спятъ?!

— Не знаю, сударь, куда она ушла.

— Эхъ, смерть тебя принесла! Ты не узнаешь своей собственной жены!

— Господинъ! я только что сію минуту послалъ ее вась разбудить! Не знаю, куда она пошла . . .

— Ахъ, отцовское проклятье тяготѣетъ надъ тобой! Я—твоя жена!

— Оставьте, господинъ! не говорите, пожалуйста, этого! Ахъ, вы мой господинъ, вы—не жена моя!

— Я покажу тебѣ, что я твоя жена! Ступай, постой за дверью!

Мигомъ сбросила весь свой костюмъ, переодѣлась женщиной, и позвала:

— Алла-вергенъ!

— Что прикажите? спросилъ онъ, входя: гдѣ ты была, . . . твою дочь ¹⁾, жена?

— Эхъ, глаза у тебя на запорѣ, смерть тебя принесла! Я тебя изъ Астрахани привезла! Глаза у тебя жиромъ запыли!

Затѣмъ жена (выславъ снова за дверь мужа) сбросила женскую одежду, облачилась въ мужскую и сказала:

— Алла-вергенъ! войди вовнутрь! Теперь узналъ-ли меня?

Смотритъ: это—давешній купчикъ! Мужскую одежду надѣнетъ, становится купчикомъ; женскую одежду надѣнетъ, становится женой Алла-вергена!

— Какъ! Согрѣшилъ я! Прости мою вину! Я—баба, а ты—мужчина! Теперь я—твой плѣнникъ: теперь, что-бы ты ни сдѣлала, на все твоя воля!

— Алла-вергенъ! сказала жена, назвавъ его по имени ²⁾: выйдя за двери, навѣдайся о гостяхъ!

Навѣдался Алла-вергенъ,—всѣ они спятъ!

— Провѣдалъ я, женушка моя! всѣ они спятъ!

Жена постлала постель, раздѣлась и Алла-вергену велѣла раздѣться. И Алла-вергенъ раздѣлся. Забрались они вмѣстѣ подъ одѣяло, загасили свѣтильникъ, легли вдвоемъ, соединившись, и достигли предѣла всяческихъ желаній.

А. Самойловичъ.

¹⁾ Брань.

²⁾ Послѣднія слова лишены того значенія, которое они имѣли-бы, если-бы жена ранѣе не произносила имени своего мужа.

КРЫМСКАЯ ПѢСНЯ ПРО ПОРТЪ-АРТУРЪ.

Настоящая пѣсня, извѣстная среди крымскихъ городскихъ татаръ и караимовъ ¹⁾, сообщена мнѣ въ Петербургѣ караимской барышней изъ Бахчисарая, госпожей Султанъ Шапшалъ. Пѣсня составлена семисловными четверостишіями, соединенными между собой общимъ припѣвомъ (бѣит бадамасы) изъ двухъ пятисловныхъ стиховъ и одного семислогового. Языкъ пѣсни смѣшанный, сѣверно-южно-турскій. Произношеніе alāma вм. аллама, kanātinda вм. канатында и anām вм. анам принято только въ пѣсняхъ ²⁾.

Парт-Артур түркүсү.

I.

Парт-Артурну kalāci
Nā öksäk-tür malāci ³⁾.
Jüz bim askār onda бар,
hāc тапылмаи чарāci ⁴⁾.
Alāma anām!
Alāma babām!
Bālki Māylam kуткарыр ⁵⁾.

II.

Машиналар жаланды,
Бір бірінә балланды.
Парт-Артура барган сом
Вашым гөзүм айланды.

¹⁾ О раздѣленіи населенія Крымскаго полуострова по образу жизни и по говорамъ см. VII т. „Образцовъ народной литературы тюркскихъ племенъ“ акад. В. Радлова, предисловіе.

²⁾ Ср. Grammaire turque par Pflzmaier, Vienne, 1847, p. 234—235.

³⁾ Изъ арабск. māhalla.

⁴⁾ Вариантъ:
Салдат кйткән баласы
Alāp калган анāci.

⁵⁾ Послѣднія три строки повторяются послѣ каждого четверостишія въ качествѣ припѣва.

М 50

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

Подъ редакціею Почетнаго Члена Общества

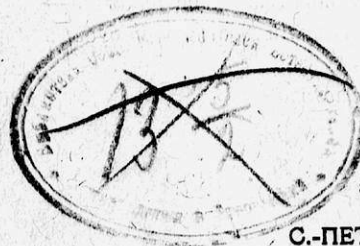
В. И. Ламанскаго

и Секретаря Отдѣленія **А. Н. Самойловича**

Выпускъ III

Годъ XIX

1910

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія Министерства Путей Сообщенія
(Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К^о), Фонтанка, 117

1910

ОТДѢЛЪ V.

Смѣсь.

Образцы частушекъ

Никольскаго уезда, Вологодской губернии.

1. На навинкѣ нѣтъ травинки,
Вѣрно кони выжили.
На бесѣдкахъ нѣтъ милѣнки,
Вѣрно за-мужъ выдали.
2. У крылецика пенѣцекъ,
У пенѣцка емоцѣка.
Не кому я не повирю,
Штѣ не жаль милѣноцѣка.
3. Дайте, дайте два пистона,
Ростриляю грудь свою.
Ужъ я тѣмъ буду доволенъ,
Штѣ за милую помру.
4. Золотѣ два колецѣка
На рукѣ вертились,
Нагледились мои глазка
На ково хотѣлося.
6. У меня на бѣлой кофтѣ
На грудь чѣтыре шва,
Кабы миленькой посватаѣся,
Я съ радостью пошла.
6. Серьчѣ ноѣтъ занываѣтъ,
Одна я знаю отъ дево.
Некому нельзя повѣдать
Тайну серьча моѣво.
7. Я храню такъ на серьчѣ
Одной дѣвоцѣки любовь.
8. Поѣно милая изьянитъся,
Лицѣ свое бѣлить.
Ты родилася красива,
Можно такъ тебя любить.

9. Я въ тальяноцѣку играю,
Въ золоценне мѣхи.
Полюблю я крылашаноцѣку,
Замолить всѣ грѣхи.
10. Дайте, дайте утерѣтся
Полотенча бѣлова,
Мнѣ-ка дайте нагледитъся
Сыздали на милова.
11. У меня была статейка,
Дорогова стоила,
Навязалася злодѣйка,
Всѣ дѣла ростирила.
12. Полетай-ко, полетай
Съ поля поточѣноцѣкъ,
Поживи-ко, покрасуйся
Безъ меня милѣноцѣкъ.
13. Надъ повостомъ туца ходитъ,
Надъ Огрызковымъ гремитъ.
Безъ меня дивценка любить,
У меня серьчѣ болитъ.
14. Ты миляшка моя,
Какая забѣдовая,
Съ головы до самыхъ ногъ
Сладкая, мѣдовая.
15. Я кацалась на капулькѣ,
На сосновой цуроцѣкѣ.
Взела Сашеньку въ саудаты,
Не пройдетъ по улоцѣкѣ.

А. Корзниковъ.

Изъ хивинскихъ сказаній о животныхъ.

Въ №№ 1—2 Этнографическаго Обзорѣнія за 1910 г. помѣщены матеріалы В. А. Гордлевскаго: „Османскія суетвѣрія о птицахъ“, записанные авторомъ въ Константинополь преимущественно со словъ уроженца Кара-хисара, Сивасскаго вилайета ¹⁾.

По поводу этого интереснаго сообщенія моего коллеги позволю себѣ обнародовать кое-что изъ своихъ среднеазиатскихъ матеріаловъ.

Съ *пттугомъ*, поющимъ не въ урочное время, въ Средней Азій подлагается поступать, вѣроятно, такъ же, какъ и въ Турціи, судя по слѣдующимъ двумъ стихамъ изъ издаваемой мною поэмы: „Книга рассказовъ о битвахъ текинцевъ“ ²⁾:

¹⁾ Заглавія этой и слѣдующей, нижеуказанной статьи В. А. Гордлевскаго неточны: кромѣ суетвѣрій авторъ сообщаетъ и сказанія о птицахъ и звѣряхъ.

²⁾ См. пока предварительное сообщеніе подъ тѣмъ же заглавіемъ въ Зап. Вост. Отд. XVI, стр. 0201.

— Здѣсь оставаться теперь холодно! Мы, что безо времени кричащій пѣтухъ: *вѣдь если пѣтухъ не во время будетъ кричать, избьетъ его народъ прямо до смерти!* (стихи 1033—4). Османистамъ же въ данномъ случаѣ можно сослаться на одну изъ пьесъ „Кара-гöза“: „Глупый бекчи“, въ которой есть такое мѣсто:

— Что это пѣтухъ не во время запѣлъ?

— Не знаю сударь.

— *Надо ему голову отръзать, что не во время поетъ* (Н. Мартиновичъ, Турецкій театръ Кара-гöзъ, приложение къ 2—3 вып. Живой Старины за 1909 г. и 1—2 вып. за 1910 г., стр. 98).

Гнѣздо ласточки приноситъ дому благополучіе и по возвращеніямъ среднеазиатцевъ. Легенда о томъ, какъ ласточка спасла однажды человѣка отъ козней змѣи, была рассказана мнѣ въ Хивѣ Батыр-баемъ¹⁾ въ слѣдующемъ видѣ (пересказъ):

— Въ Ноевомъ ковчегѣ было очень тѣсно и грязно. Дьяволъ, мочась, брызнулъ случайно свиной подъ хвостъ, и чрезъ нѣкоторое время свинья родила мышъ. Мышь вскорѣ прогрызла въ ковчегѣ дыру, и Ной оказался не въ силахъ остановить хлынувшую въ ковчегъ чрезъ дыру воду. Тутъ подползла къ Ною змѣя и сказала: Ной, согласенъ ли ты дать все, что я ни попрошу у тебя, если я спасу ковчегъ отъ потопленія?—Ной согласился. Змѣя, свернувшись клубкомъ, заткнула собой дыру и вылѣзла изъ нее только тогда, когда Ной, приготовивъ деревянный клинъ, подошелъ, чтобы забить имъ отверстіе. Ковчегъ былъ спасенъ змѣей, и она попросила у Ноя за это въ награду того изъ обитателей ковчега, у кого окажется самое вкусное мясо, а въ экперты посоветовала пригласить комара. Комаръ пережалилъ всѣхъ тварей, плившихъ въ ковчегѣ, и уже направлялся съ донесеніемъ къ Ною и змѣѣ, какъ было остановленъ ласточкой, которая его спросила: чье же мясо по твоему всѣхъ вкуснѣе и чье — всѣхъ противнѣе?—Всѣхъ вкуснѣе мясо у человѣка, а всѣхъ противнѣе — у лягушки, отвѣчалъ комаръ, но ласточка не повѣрила ему наслово, а попросила разрѣшеніе лизнуть комару языкъ. Высунулъ комаръ языкъ, и ласточка мигомъ его откусила. Вотъ съ той поры комаръ и жужжить!... Подлетѣлъ комаръ къ Ною и змѣѣ и жужжить; тѣ не могутъ его понять и принуждены принять предложеніе ласточки быть переводчикомъ. Послушавъ жужжаніе комара, ласточка объясняетъ: комаръ жужжить про то, что самое вкусное мясо у лягушки, а самое противное — у человѣка! Ной съ радостью уступилъ змѣѣ лягушку, змѣя же со злостью бросилась на ласточку, но та рванулась, и змѣѣ удалось лишь прокусить у ласточки хвостъ. Вотъ почему хвостъ ласточки похожъ на ножницы! Въ благодарность ласточкѣ за спасеніе рода человѣческаго Ной позволилъ ей впредь селиться въ человѣческомъ жильѣ, чтобы змѣя никогда не смогла достать ее. Съ тѣхъ поръ ласточки вьютъ свои гнѣзда тамъ, гдѣ живетъ человѣкъ.

И версія В. А. Гордлевскаго, и версія В. Х. Кондараки,

¹⁾ О немъ см. Извѣстія Русскаго Комитета для изученія Средней и Восточной Азии, № 9, стр. 24.

особенно близкая къ Батыр-баевской¹⁾, являются осколками послѣдней, Батыр-бай же, вѣроятно, прямо вычиталъ этотъ рассказъ изъ книги.

Я имѣлъ уже случай отмѣтить крайне интересный фактъ, что *аистъ*, котораго обыкновенно считаютъ счастливой птицей, въ Хивинскомъ ханствѣ считается птицей злой; при этомъ я сообщилъ хивинскую легенду про аиста и *соловья*,—см. „Къ изученію Хивинскаго ханства“ (Живая Старина, 1909, вып. 2—3, стр. 296). Можетъ быть, возвращеніе хивинцевъ на аиста—чисто мѣстнаго происхожденія, но про большинство среднеазиатскихъ, равно какъ и османскихъ сказаній о птицахъ приходится сказать, что они заимствованы изъ мусульманской литературы, напримѣръ, изъ „Сказаній о пророкахъ“.

За первой статьёй В. А. Гордлевскаго слѣдуетъ его же вторая: „Османскія суевѣрія о звѣряхъ“. Часть этихъ матеріаловъ, какъ и первыхъ, можетъ быть отнесена къ народнымъ, а часть—опять-таки не мѣстнаго, книжнаго происхожденія. Среди животныхъ, матеріалы о которыхъ собралъ В. А. Гордлевскій, отсутствуетъ *верблюдъ*. Къ этому животному имѣетъ отношеніе слѣдующая легенда, сообщенная мнѣ въ Хивѣ Медин-баемъ²⁾ (пересказъ): Самый ранній сортъ винограда въ Хивѣ—красный виноградъ „халили“. Названіе „халили“ объясняется такъ. Пророкъ Авраамъ, онъ же *Халиль* (Халиллулла) сидѣлъ подъ деревомъ. Проѣзжавшій мимо на верблюдѣ странникъ-невѣрный попросилъ у Халиля гостепримства, но тотъ отказался его принять изъ-за его невѣрія. Странникъ тронулся дальше. Въ этотъ моментъ съ неба раздался голосъ: Я создалъ вѣрныхъ и невѣрныхъ, и не тебѣ, моему созданію, разбирать, кто достоинъ и кто недостоинъ гостепримства!—А верблюдъ, уже удалявшійся отъ Авраама, обратилъ свой репісъ назадъ и обмочилъ Халиля. Пораженный происшедшимъ, Авраамъ заплакалъ кровавыми слезами. На мѣстѣ, куда упали кровавыя слезы Халиля, выросъ красный виноградъ, прозванный поэтому „халили“, а репісъ у верблюжей породы съ тѣхъ поръ навсегда остался повернутымъ назадъ³⁾.

А. С.—ичъ.

¹⁾ На версію Кондараки (Универсальное описаніе Крыма, XIII, 133—134) имѣется ссылка у В. А. Гордлевскаго.

²⁾ О немъ см. цитованна выше Извѣстія Р. К., № 9, стр. 20.

³⁾ Какъ извѣстно, существуютъ и другія легенды, въ которыхъ объясняется особое устройство репіса у верблюда. — Кстати: млечный путь у закаспійскихъ туркменовъ называется *ак майа йолы* — „путь бѣлой верблюдицы“.